

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ И АТАБАСКСКИЕ ЯЗЫКИ¹

А.А.Кибрик (ИЯз РАН)

kibrick@comtv.ru

1. Пропозициональная структура (ПС) и пропозициональная деривация (ПД)

В известной статье П. Хоппера и С. Томпсон (Hopper and Thompson 1980) была предложена новая для своего времени идея транзитивности как семантической, а не только грамматической характеристики пропозиции. Хоппер и Томпсон предложили понимать семантическую транзитивность как кластер признаков, связанных с актантной структурой пропозиции, но также и с целой группой других семантических зон – референцией, видом, реальностью и др. При таком подходе транзитивность становится не бинарным признаком (плюс или минус наличие прямого дополнения), а градуальным: пропозиция может быть транзитивной в той или иной степени, а одна пропозиция может быть более или менее транзитивной, чем другая. Более или менее высокой степени транзитивности пропозиции способствуют не только характеристики ее актантной структуры, но и другие семантические характеристики. Так, более транзитивны пропозиции с конкретно-референтным пациенсом; характеризующиеся совершенным видом, положительной полярностью и т.д. В данной работе я пользуюсь наличием дублета «транзитивность = переходность», характерного для русской терминологии, и развожу эти два термина, понимая их по-разному: под транзитивностью понимается градуальная семантическая характеристика, под переходностью – бинарный грамматический признак.

В работе Хоппера и Томпсон подробно обсуждается вопрос о ко-варьировании между признаками, входящими в кластер: если пропозиция более транзитивна с точки зрения одного из признаков, входящих в кластер семантической транзитивности, то велика вероятность, что и по другому признаку она тоже окажется более транзитивна. Неменьший интерес представляет другое отношение между признаками семантической транзитивности – их **ко-экспрессия**: деривации, связанные с разнородными, казалось бы, семантическими процессами, часто выражаются идентичными формальными средствами.

---

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №05-04-04240.

Это явление до работы Хоппера и Томпсон могло рассматриваться лишь как случайная и необъяснимая омонимия, а с учетом этой работы выглядит как мотивированная ко-экспрессия признаков, входящих в единый кластер семантической транзитивности.

В работе Бергельсон и Кибрик 1991 была предпринята попытка использовать подход Хоппера и Томпсон для описания глагольных дериваций. Было введено понятие **пропозициональная структура (ПС)** – набор характеризующих пропозицию признаков из таких семантических зон, как:

- актантная структура
- референциальные характеристики актантов
- ролевые характеристики актантов
- семантический класс глагола (событие/состояние)
- совершаемостные и видовые характеристики
- реальность
- полярность

и др.

Возможно, этот список можно пополнить еще некоторыми другими семантическими зонами – см. ниже об оценочной модальности.

Всякий глагол имеет **исходную пропозициональную структуру (ИПС)**, в которой каждый из компонентов ПС имеет закрепленное значение. Употребления данного глагола могут сохранять ИПС, а могут и менять ее. В связи с этим актуально понятие **пропозициональной деривации (ПД)**, понимаемой как любая модификация ИПС.

Схема 1. Пропозициональная деривация как отношение между исходной и производной пропозициональными структурами

ИПС подвергается ПД, в результате образуется производная ПС (ППС). Поскольку к одному и тому же глаголу может быть применено более одной ПД, то возможна более

обобщенная схема:

Схема 2. Пропозициональная деривация как отношение между пропозициональными структурами

Поскольку каждый из параметров семантической транзитивности имеет значения, связанные с большей и меньшей степенью транзитивности, то можно утверждать, что конкретные ПД могут быть повышающими и понижающими с точки зрения семантической транзитивности.

Следует отметить, что понятие ПД в общем случае нейтрально по отношению к оппозиции словоизменения и словообразования. Как будет видно из рассматриваемых ниже примеров, конкретными случаями ПД могут быть как словоизменительные, так и словообразовательные процессы.

Понятие «пропозициональная деривация», введенное в работе Бергельсон и Кибрик 1991, с моей точки зрения, является более адекватным, чем получивший в последнее время широкое распространение альтернативный термин «актантная деривация» (см., например, Плунгян 2000: 208-219). Последний термин отделяет деривации актантной структуры от дериваций, связанных с референциальными характеристиками, совершаемостью/видом, модальностью и другими семантическими категориями. Такое разделение представляется искусственным. Факты систематического ко-варьирования и ко-экспрессии семантически различных дериваций указывают на то, что для естественных языков существует единый гештальт – пропозициональная структура. Языки реагируют на изменения разных аспектов этой пропозициональной структуры идентичным образом, и тем самым отождествляют и объединяют эти аспекты. Поэтому понятие «пропозициональной деривации» необходимо для адекватного учета языковой реальности.

В работе Бергельсон и Кибрик 1991 были кратко рассмотрены языки двух языковых семей, которые в своей морфологической структуре эксплицитно и обильно кодируют различные деривации как повышающие и понижающие транзитивность. Это, во-первых, атабаскские языки Сев. Америки и, во-вторых, картвельские языки, располагающие морфологической категорией «характерная гласная», в которой регистрируется уровень

транзитивности пропозиции (см. Бергельсон 2006). В настоящей статье более подробно анализируются атабаскские языки, а также предлагаются некоторые типологические выводы и перспективы.

2. Атабаскские языки

Атаба́ска (Athabaskan, Athabaskan, Athapaskan) языковая (под)семья – одна из крупнейших на североамериканском континенте. Атабаскские языки вместе с еще двумя языками (эяк и тлингит) образуют семью на-дене. Атабаскская (под)семья включает более 40 языков, распространенных в трех ареалах – северном (Аляска и запад Канады), тихоокеанском (современные штаты Орегон и Калифорния) и южном (юго-запад США).

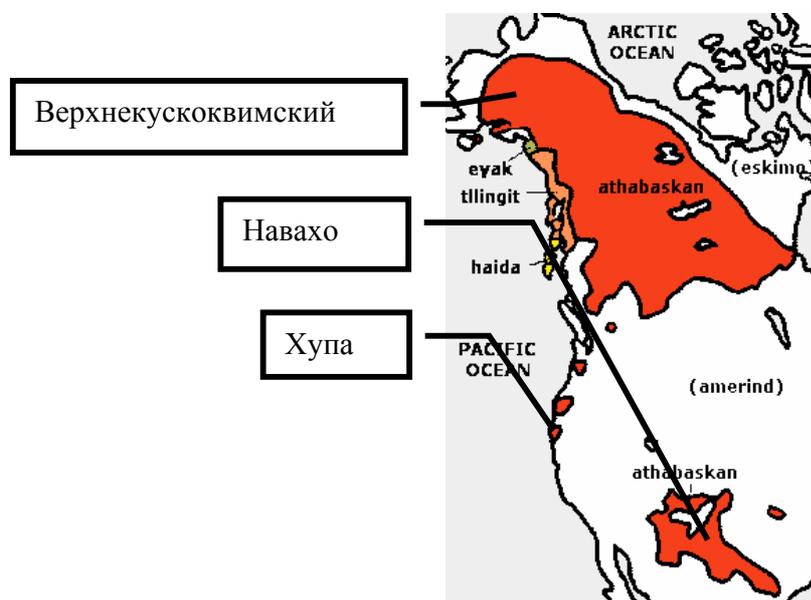

Рис. 1. Распространение атабаскских языков (карта с сайта www.ship.edu/~cgboeree/languagefamilies.html)

На рисунке 1 показано распространение атабаскских языков в Сев. Америке и локализация тех языков, из которых взято большинство языковых примеров в данной статье (на основе

полевой работы автора²).

Необходимо дать краткую типологическую характеристику атабаскских языков (подробнее см. Kibrik 2002). Атабаскские языки являются полисинтетическими, тотально вершинно-маркирующими, характеризуются одной из сложнейших в мире систем глагольной морфологии. В глагол инкорпорировано большое количество элементов – локативных, модальных, совершаемостных, и т.д. В глагол последовательно включаются местоименные элементы, указывающие на актанты и сирконстанты ситуации. Для северных языков характерна и инкорпорация именных корней. Многие клаузы в естественном дискурсе состоят лишь из глагольной словоформы и не содержат именных словоформ.

Редкая особенность атабаскских языков – почти исключительно префиксальный характер аффиксации. Существует достаточно жесткая порядковая структура глагольной словоформы, основные позиции которой таковы: превербы (в сочетании с местоименными элементами) – различные словообразовательные морфемы – совершаемость/вид – инкорпорированные элементы – аккузативное местоимение – номинативное местоимение (3 лица) – совершаемость/вид – тип спряжения – время/наклонение – номинативное местоимение (1/2 лица) – индикатор переходности – корень (подробнее см. Kibrik 2005).

Этот порядок расположения морфем представляет целый ряд исключений из языковых универсалий – в частности, словоизменятельные морфемы в целом располагаются ближе к корню, чем словообразовательные (см. Rice 2000a). Кроме того, морфемы из одной и той же семантической сферы часто оказываются в разных линейных частях словоформы – ср., например, построение отрицания в верхнекускоквимском языке (Аляска): ?istrih ‘я пла́чу’ – zistrigh ts’e? ‘я не пла́чу’; добавление смыслового элемента ‘не’ осуществляется сразу тремя средствами – заменой положительного имперфективного префикса ?i- на отрицательный zi-, озвончением последней согласной основы (h→gh) и добавлением факультативной энклитики ts’e?.

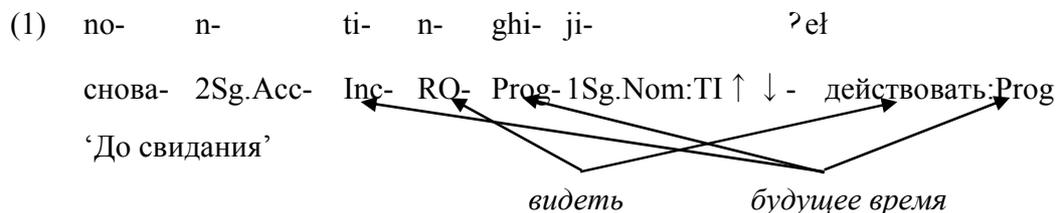
Система кодирования ролевых отношений в атабаскских языках – аккузативная. Базовый порядок слов в предикации – SOV. Атабаскские языки характеризуются очень сложной морфонологией.

Некоторое представление о степени сложности атабаскской морфологической и

---

² Я пользуюсь случаем выразить признательность всем моим информантам, без чьей помощи получение используемого в этой статье языкового материала было бы совершенно невозможно.

морфонологической структуры можно составить по типичной верхнекускоквимской словоформе *nontinghiji'eł* 'до свидания', букв. 'я снова увижу тебя':

Корень данного глагола (занимающий самую правую позицию в словоформе) имеет весьма абстрактное значение, которое можно примерно передать как 'действовать'. Лексическое значение 'видеть' передается комбинацией корня и деривационного префикса *n-* (четвертого слева). Префикс *n-* является классифицирующей морфемой, характеризующей классную принадлежность пациенса/инструмента как предмета округлой формы. Тем самым, значение 'видеть' концептуализируется в верхнекускоквимском языке как 'действовать кругляшками'.

Корень 'действовать' имеет ряд алломорфов, по внешней форме весьма отличающихся друг от друга. Наиболее исходный алломорф выглядит как *-?anh*. Представленный в данном случае алломорф *-?eł* кумулятивно передает граммему 'прогрессив'. Эта же граммема выражена еще и префиксом *ghi-*. Сочетание прогрессива с инцептивным префиксом *ti-* стандартно передает значение будущего времени. Таким образом, значение будущего выражается тремя морфемами одновременно, причем эти морфемы расположены в словоформе дистантно.

Значение 'снова' передается итеративной морфемой *no-*, а аккузативное местоимение 2-го лица – следующим за ней префиксом *n-*. Относительный порядок этих морфем – один из примеров расположения словоизменительных маркеров ближе к корню по сравнению со словообразовательными.

Наконец, элемент *ji-* – это результат взаимодействия двух морфем: местоименного номинативного префикса 1-го лица ед. числа *s-* и индикатора переходности *l-*; действует исторически обусловленное морфонологическое правило $s+l \rightarrow j$ (где *j* – это альвеолярная аффриката, как в англ. *John*).

3. Индикаторы транзитивности (ИТ) в атабаскских языках

В атабаскской глагольной словоформе есть особая морфологическая позиция, непосредственно предшествующая корню и допускающая заполнение посредством одной из четырех морфем: $\emptyset$ - (нуль), $\downarrow$ -, d- и l-. В атабаскской лингвистике эти морфемы традиционно (и ошибочно) именуется классификаторами; в данной работе используется термин «индикаторы транзитивности» (ИТ). То, каким образом ИТ сигнализируют изменения транзитивность, суммировано на схеме 3:

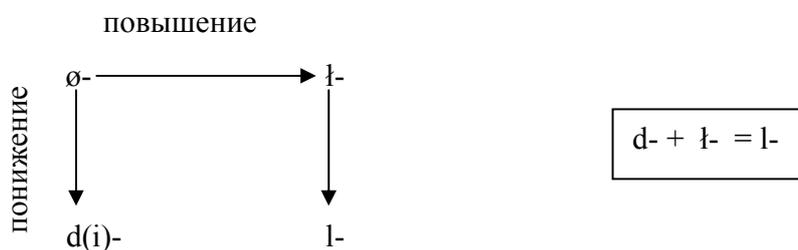

Схема 3. Функции индикаторов транзитивности в атабаскских языках

ИТ $\emptyset$ - сигнализирует, что данное употребление глагола имеет ПС, совпадающую с ИПС данного глагола³. Другие ИТ сигнализируют, что данное употребление глагола имеет ПС, отличающуюся на ИПС данного глагола на один или более шагов. Эти шаги связаны либо с понижением, либо с повышением транзитивности. ИТ d(i)- сигнализирует понижение исходной транзитивности глагола. Так, в примере (2) показан исходно переходный⁴ глагол ‘разбудить’. В (2а) содержится такое употребление этого глагола, которое сохраняет ИПС

³ Внимательный читатель мог заметить некоторую слабость в определении понятия ИПС в разделе 1. Эта слабость состоит в следующем: в общем определении не вполне ясно, какие глагольные формы следует считать репрезентациями одного глагола, а какие нет. Например, с точки зрения предложенной в разделе 1 понятийной системы естественно считать *видеть*, *увидеть*, *видеться* и т.д. репрезентациями одного глагола, что противоречит лексикографической традиции. Эта проблема не имеет общего и простого решения и должна рассматриваться по-разному для разных языков. Что касается атабаскских языков, то, с моей точки зрения, ИПС является принадлежностью глагольного корня, а любая словоформа с данным корнем может рассматриваться как сохраняющая или меняющая ИПС. Поэтому выражения типа «ИПС данного глагола» следует понимать как «ИПС, присущая данному глагольному корню». Единственный дополнительный нюанс состоит в том, что некоторые глагольные корни встречаются лишь в сопровождении одного или двух словообразовательных префиксов.

⁴ Как было сказано в разделе 1, в рамках данной работы термины «переходность» и «транзитивность» различаются. Переходными считаются глаголы, в которых имеется морфологическая позиция аккузативного местоименного показателя, а непереходными – те, в которых такая позиция отсутствует. Как переходные, так и непереходные глаголы могут обладать большей или меньшей степенью семантической транзитивности.

в неизменном виде, и потому использован ИТ $\emptyset$. В (2б) показана клауза с реципрокальным аккузативным местоимением. Здесь глагол остается грамматически переходным, но семантически его транзитивность снижена. Поэтому в позиции ИТ появляется морфема di .

(2) Верхнекускоквимский

а. исходная переходность: $\emptyset$ -

ts'a- s-   na- h-   ne- $\emptyset$ -   yut
Pref- 1Sg. Acc-   Pref- 3Pl. Nom- Pf-   TI-   будить
'Они разбудили меня'

б. реципрок от переходного глагола: di -⁵

ts'a- **nel**-   hi-   na- **di**-   yut
Pref- Rec. Acc-   3Pl. Nom-   Pref- TI ↓ -будить
'Они разбудили друг друга'

В примере (3) показан исходно непереходный глагол. Как видно в (3а), если употребление глагола имеет ПС, совпадающую с ИПС, то используется ИТ $\emptyset$ -, как и в (2а). Таким образом, нулевой ИТ не обозначает ни транзитивность, ни интранзитивность – он указывает лишь на то, что в данном случае ИПС глагола не подверглась никаким модификациям. В примере (3б) имеет место повышение транзитивности в результате каузативизации, и в позиции ИТ появляется морфема l -. Пример (3в) демонстрирует отход от ИПС уже на два шага – это автобенефактив от каузатива. Автобенефактив – это широко распространенная в атабаскских языках конструкция, обозначающая, что актер выполняет действие в собственных интересах, и отражаемая в позиции ИТ как понижающая. Детранзитивизация после уже произошедшей транзитивизации сигнализируется посредством ИТ l -. Эта морфема, таким образом, сигнализирует два шага ПД сразу. Наконец, пример (3г) показывает, что исходно непереходный глагол может быть

---

⁵ Сравнивая (2б) с (2а) можно заметить, что помимо изменения ИТ в глагольной словоформе произошел ряд других изменений. Так, относительный порядок словообразовательного префикса na - и местоименной морфемы 3 лица мн. числа hi - изменился на обратный, и исчез показатель перфектива ne -. Эти метаморфозы имеют свои объяснения, но их обсуждение выходит за пределы данной работы. Сложность морфологии и морфонологии атабаскских языков такова, что найти простые, «чистые» примеры практически невозможно. Ниже будут обсуждаться лишь те явления, которые непосредственно касаются предмета данной статьи.

подвергнут семантической интранзитивизации. В этом примере показана конструкция, известная как «реверсив» и обозначающая возвращение в исходное состояние (только с реверсивом можно сказать про камень, исходно всегда сухой, но не про дерево, исходно влажное). Вероятно, трактовка реверсива как детранзитива языком объясняется тем, что динамический предельный процесс в данном случае теряет ясную направленность, его конечная точка становится неотличима от первоначального состояния.

(3) Верхнекускоквимский

а. исходная непереходность: **ø-**

duł di- ø- gwnh

дрова Pref- ПИ- сохнуть

‘Дрова сохнут’

б. каузатив⁶ от непереходного: **I-**

duł di- I- gwnh

дрова Pref- ПИ ↑ -сохнуть

‘Он(а) сушит дрова’

в. автобенефактив от каузатива: **I-**

duł di- I- gwnh

дрова Pref- ПИ ↑ ↓ - сохнуть

‘Он(а) сушит дрова для себя’

г. реверсив от непереходного глагола: **di-**

tša no- di- di- gwnh

камент Rev- Pref- ПИ ↓ -dry

‘Камень сохнет (возвращаясь в исходное состояние)’

---

⁶ Конструкцию в (3б) можно назвать каузативной лишь с некоторой долей условности, поскольку в глаголе не появляется никакого специализированного каузативного аффикса. Семантически каузативизация, конечно, есть – добавляется агенс-каузатор. Но структурно различие между глаголами в (3а) и (3б) состоит лишь в том, что в глаголе (3б) изменяется ПД и появляется морфологическая аккузативная позиция (при актантах 3 лица она не всегда видна, т.к. местоименный аккузативный аффикс часто оказывается нулевым).

Следует подчеркнуть, что ИТ не выражают пропозициональную деривацию сами по себе. Каждая деривация выражается специализированным (dedicated) морфологическим средством⁷, а функция ИТ – сигнализировать о том, что деривация произошла.

В нижеследующих разделах 4 и 5 рассматриваются соответственно повышающие и понижающие ПД. Их репертуар в атабаскских языках очень велик. Некоторые из них характерны для всех атабаскских языков, другие встречаются лишь в каком-то их подмножестве.

4. Повышающие ПД

К числу повышающих ПД относится ряд дериваций, при которых повышается переходность в традиционном грамматическом смысле – добавляется новый актанта. В этой категории – ПД каузативизации, см. (3б), а также еще несколько ПД.

Для атабаскских языков характерны «стативные» каузативы, в литературе иногда именуемые также «каузативами удержания» или «посессивами». Чаще всего они образуются от глаголов позиции и обозначают, что агенс-каузатор удерживает лицо или объект в этой позиции. Имеются факты, показывающие, что при стативном каузативе каузируемое лицо кодируется иначе, чем при обычном каузативе. В работе Kibrik 2001 было предложено называть эту кодировку дативной, по аналогии с дативом в падежных языках. Например:

(4) Навахо

а. ʔawééʔ si-ø-dá

младенец Pf-TI-сидеть

‘Младенец сидит’

б. ʔawééʔ bi-s-é-ł-dá

младенец 3.Dat-Pf-1Sg.Nom-TI[↑]-сидеть

‘Я держу младенца в сидячем положении’

---

⁷ За некоторыми исключениями: так, каузатив и автобенефактив не имеют специализированных средств.

Довольно редкая деривация – проявление пациенса у исходно непереходного глагола. Пример такого непереходного глагола (с семантически инкорпорированным пациенсом ‘моча’) – глагол ‘мочиться’ в языке атна. При необходимости выразить пациенс глагол подвергается транзитивизации, что отражается в появлении валентности на пациенс и в изменении ИТ:

(5) Атна (Kari 1990: 278)

а. z-d-ø-lets

Pf-Epenth-TI-мочиться

‘Он(а) помочился (-лась)’

б. deŋ ɬ-lets (> lets)

кровь TI↑-мочиться

‘Он(а) мочится кровью’

Еще один тип расширения актантной структуры, весьма сложный, связан с преобразованием непереходных глаголов движения. В следующем примере к ИПС непереходного глагола ‘быстро двигаться (о продолговатом объекте)’ добавляются одновременно два актанта – агенс и цель/реципиент, а пациенс (продолговатый объект) подвергается семантической инкорпорации и превращению в инструмент:

(6) Атна (Kari 1990: 217)

а. ta-ghi-ø-ghel

в.воду-Pf-TI-двигаться.SSO

‘Оно (напр. ружье) упало в воду’

б. yi-ɬ-ghal

3.Dat-TI↑-двигаться.SSO

‘Он(а) стукнул(а) его/ее (дубинкой)’

Наконец, еще один отмеченный тип добавления актанта – это компаративная конструкция. В этом случае от исходно непереходного качественного глагола образуется

компаратив с ИТ, указывающим на повышение транзитивности:

(7) Навахо (Young, Morgan, and Midgette 1992: 611)

а. yi-ø-tsoh

Ерenth-П-большой

‘Это (напр. снегопад) становится большим, сильным’

б. shi-lááh   ʔání-l-tso

1Sg.Obl-более   Compar-П↑-большой

‘Он(а) выше меня’

Ряд других дериваций квалифицируются как повышающие транзитивность, при том что актантная структура не подвергается расширению. В каждом случае происходящее семантическое изменение может быть отнесено к одному из компонентов кластера транзитивности по Хопперу и Томпсон. Первая из таких деривация – переосмысление исходного экспериенцера как агенса. Это наблюдается в паре глаголов ‘видеть’ и ‘смотреть’ в навахо:

(8) Навахо

а. yoo-ø-ʔí

3.Асс:Prog-П-видеть

‘Он(а) видит его/ее’

б. yi-ní-l-ʔí

3.Асс-Pref-П ↑ -видеть

‘Он(а) рассматривает его/ее’

Следующая деривация связана со степенью охвата пациенса при совершении действия. При полном охвате отмечена транзитивизирующая деривация, которую можно обозначить как комплетив:

(9) Хупа

a. ø-k'i-wing-ø-ya?n

3H.Nom-Inan.Acc-Pref-ПI-eat

‘Он(а) съел(а) это’

б. ch'i-neh-l-ya:n

3H.Nom-Pref-ПI ↑ -eat

‘Он(а) съел(а) это (полностью)’

Наконец, часто встречается интенсификация – транзитивизирующая деривация, обозначающая высокую степень ситуации, описываемой исходным глаголом:

(10) Атна (Kari 1990: 433)

a. de-ø-yaen

Pref-ПI-острый

‘Это острое’

b. de-l-yaen

Pref-ПI ↑ -острый

‘Это очень острое’

Семантически интенсификация довольно близка к описанному выше компаративу. Тот факт, что язык одинаково сигнализирует оба эти процесса, хотя в одном из них есть расширение состава актантов, а в другом нет, лишней раз показывает, что нужно говорить именно о пропозициональной деривации – разные модификации ИПС сигнализируются единым образом, хотя и относятся к разным аспектам пропозициональной структуры, а именно, к составу актантов и к оценочной модальности⁸.

---

⁸ Такая интерпретация значения интенсификации в качественных предикатах содержится, например, в работе Плунгян 2000: 310.

5. Понижающие ПД

Понижающие ПД в атабаскских языках демонстрируют еще большее разнообразие, чем повышающие. Рассмотрение понижающих ПД снова начнем с тех, которые связаны с сокращением набора актантов, т.е. являются собственно актантными деривациями.

Напомню, что детранзитивизация может проявляться как замена ИТ $\emptyset$ - на d(i)- либо $\downarrow$ - на l-.

Самая простая детранзитивизирующая деривация – антикаузатив, т.е. исчезновение агенса, присутствовавшего в более исходной ПС:

(11) Верхнекускоквимский

а. tinh no-hi-l-gheh

лед Pref-3Pl.Nom-ТI $\uparrow$ -таять

‘Они топят лед’

б. tinh no-?i-l-gheh

лед Pref-Impf-ТI $\uparrow\downarrow$ -таять

‘Лед тает’

Другая широко распространенная в языках мира понижающая деривация – это пациентный атрибутив (в литературе встречается и ряд других терминов, в частности «субъектный имперсонал» – см. Плунгян 2000: 218). Это производное употребление глагола обозначает свойство, приписываемое пациенсу как его характерный атрибут:

(12) Навахо

а. $\text{yi-sh-}\emptyset\text{-?i}$

Prog-1Sg.Nom-ТI-видеть

‘Я вижу его/ее’

б. yi-d- ?i (> yit'i)

Prog-ТI $\downarrow$ -видеть

‘Он(а) виден(-на), заметен(-на)’

Безагентивный пассив атабаскских языков, как правило, предполагает уничтожение номинативной морфологической позиции, в то время как аккузативный местоименный показатель сохраняется там же, где он был бы и в переходном глаголе:

(13) Верхнекускоквимский

а. ho-si-na-ne-l-mots'

вверх-1Sg.Асс-Pref-Pf-TI↑-катиться

‘Он(а) привез(ла) меня туда наверх’

б. ho-si-na-l-mots'

вверх-1Sg.Асс-Pref-TI↑↓-катиться

‘Я был(а) привезен(а) туда наверх’

При рефлексиве сокращается количество разных участников ситуации, хотя количество «мест» остается прежним. Большинство атабаскских языков сигнализируют о рефлексивизации посредством изменения ИТ:

(14) Верхнекускоквимский

а. ts'a-si-na-n-en-ø-yut

Pref-1Sg.Асс-Pref-Pf-2Sg.Nom-TI-будить

‘Ты меня разбудил(а)’

б. ts'a-ho-na-n-en-di-yut

Pref-Refl.Асс-Pref-Pf-2Sg.Nom-TI↓-будить

‘Ты себя разбудил(а)’

Другая большая группа понижающих дериваций не связана непосредственно с изменением набора актантов, а могут быть квалифицированы как понижающие и объяснены лишь благодаря представлению о семантической транзитивности и понятию пропозициональной деривации. Некоторые из этих дериваций достаточно обычны, другие типологически раритетны. Выше уже были проиллюстрированы реципрок (2б),

автобенефактив (3в) и реверсив (3г). Рассмотрим другие деривации.

Агентивный пассив в навахо сохраняет номинативную позицию в составе глагола, но в этой позиции всегда находится неопределенное местоимение ?i- . Кроме того, за этим местоимением следует префикс di- , этимологически тождественный ИТ d(i)- :

(15) Навахо

а. $\text{lééchaq?í ni-sh-l-hash}$ (> nishhash)

собака 2Sg.Асс-Pf-ПІ ↑ -кусать

‘Собака укусила тебя’

б. $\text{ni-? -di-sh-l-hash}$ (> ni?dishghash)

2Sg.Асс-Инд.Ном-Детр-Пф-ПІ ↑ ↓ -кусать

‘Ты был(а) укушен(а)’

В отличие от номинативных местоимений ‘я’, ‘ты’ и ‘вы’, местоимение ‘мы’ в атабаскских языках очень сильно варьирует по языкам и не имеет единой реконструируемой формы. В целом ряде языков в функции этого местоимения стало использоваться неопределенно-личное местоимение – явление, очень напоминающее эволюцию местоимения on во французском языке. Очевидно, для атабаскских языков характерно представление об акторе 1-го лица мн. числа как о не вполне референтном, имеющем нечетко очерченную референцию. В некоторых языках, в частности в навахо, это приводит к регулярной детранзитивизации любой клаузы, в которой в номинативной позиции содержится местоимение ‘мы’:

(16) Навахо

а. b-aa-n-í-l-tí

3.Obl-к-Pf-1Sg.Ном-ПІ ↑ -принести.АнО

‘Я принес(ла) ему/ей это (одушевленное)’

б. b-aa-n-ii-l-tí

3.Obl-to-Pf-1Pl.Nom-TI ↑ ↓-принести.AnO

‘Мы принесли ему/ей это (одушевленное)’

Наряду с описанной выше актантной рефлексивизацией, посессивная рефлексивизация также может вызывать детранзитивизацию. Хотя при этом и нет прямой кореферентности актантов, но есть некоторое «референциальное смазывание» различия между актантами, что интерпретируется языком как отступление от прототипа семантической транзитивности. В навахо посессивная рефлексивизация не является обязательной, но когда она происходит, она оценивается языком как детранзитивизация:

(17) Навахо

а. bi-wooʔ   ha-y-íí-ø-ʔá

3.Poss-зуб   Pref-3.Асс-Pf-TI-дергать

‘Он(а) выдернул(а) свой зуб’

б. ʔá-wooʔ   ha-yoo-d-ʔá   (> hayoot’á)

Refl.Poss-зуб   Pref-3.Асс:Pf-TI ↓ -дергать

‘Он(а) выдернул(а) свой зуб’

Во многих атабаскских языках широко распространена инкорпорация в состав глагола именных корней, обозначающих части тела. Разумеется, как правило это части тела того участника, который является актором. При этом опять же имеется кореферентность между актором и обладателем части тела, что снова отражается в изменении ИТ:

(18) Верхнекускоквимский

а. tsa   na-ni-s-ø-ʔonh

камень RO-Pf-1Sg.Nom-TI-перемещать.RO

‘Я принес(ла) камень’

б. yigi-tse-ta-z-d-ʔ onh (> yigitsetazt'onh)

Pref-голова-Pref-Pf-TI↓-перемещать.RO

‘Он(а) кивнул(а) головой’

В ряде языков встречается эрратив – понижающая деривация, означающая, что исходно или типично агентивное действие было совершено случайно или невольно:

(19) Атна (Kari 1990: 285-6)

а. i-te-l-naʔ

3.Асс-Pref-TI ↑ -глотать

‘Он(а) проглотил(а) это (намеренно)’

б. i-t-ne-l-naʔ

3.Асс-Pref-Егг-TI ↑ ↓-глотать

‘Он(а) поперхнулся(-лась) этим’

Весьма необычна отмечанная в навахо понижающая деривация, которую можно назвать «депривативом»⁹. Она встречается при исходно переходных глаголах и обозначает отнятие предмета (пациенса) у какого-то лица. Вероятно, эта идея имплицитно, что действие совершается актором в свою сторону или для себя, что напоминает обсуждавшийся выше автобенефактив.

(20) Навахо (Young and Morgan 1987: 482, 192)

а. у-í-ø-yí

3.Асс-Pf-TI-утаскивать

‘Он(а) утащил(а) это (груз) прочь’

б. yi-ghá-y-í-d-yí (> yigháigí)

3.Obl-от-3.Асс-Pf-TI ↓ :утаскивать

‘Он(а) утащил(а) это (груз) у него/нее’

---

⁹ Я благодарен Роберту Янгу, который обратил мое внимание на этот феномен.

Дальнейшие деривации уже никак не связаны с актантной структурой, а имеют видовые или совершаемостные значения. Очень распространен в атабаскских языках перамбулатив – деривация, указывающая на отсутствие определенного направления у движения. Следующий пример показывает, что эта деривация сигнализируется как детранзитивизирующая при исходно непереходном глаголе:

(21) Верхнекускоквимский

а. ni-s-ø-yo

Pf-1Sg.Nom-TI-walk

‘Я ходил’

б. k’o-zi-s-di-yo

вокруг-Pf-1Sg.Nom-TI ↓ -walk

‘Я блуждал, ходил туда-сюда’

Регулярно расценивается как детранзитивизация и итератив:

(22) Навахо

а. yi-di-ø-lé

3.Асс-Pref-TI-нести.SFO

‘Он(а) несет это (напр., веревку)’

б. né-i-di-d-lééh

Iter-3.Асс-Pref-TI ↓ -нести.SFO

‘Он(а) повторно несет это (напр., веревку)’

В примере (3г) был проиллюстрирован реверсив – деривация, обозначающая возвращение в исходное состояние. Другая разновидность реверсива, также сопровождающаяся детранзитивизацией, отмечается в глаголах движения. «Двигательный» реверсив – возврат в исходную точку при движении; в этом случае конечная точка траектории совпадает с ее исходной точкой, например:

(23) Верхнекускоквимский

a. ti-ghi-s-ø-yoʃ

Inc-Prog-1Sg.Nom-ТИ-идти

‘Я пойду’

b. no-ti-ghi-s-d-yoʃ (> notighisdøʃ)

Rev-Inc-Prog-1Sg.Nom-ТИ↑↓-идти

‘Я пойду обратно’

Приведенный в разделах 4 и 5 список дериваций можно было бы пополнить – о некоторых других деривациях см. Kibrik 1993, 1996, in preparation; Thompson 1996; Rice 2000a, b. Кроме того, этот список наверняка пополнится по мере изучения новых атабаскских языков. Возможно, могут быть обнаружены деривации, связанные с другими компонентами семантической транзитивности – реальностью, полярностью, утвердительностью и т.д.

6. Типологический профиль атабаскских языков в области ПС и ПД

Как было показано в работах Nichols 1982 и Haspelmath 1993, языки значительно различаются между собой с точки зрения склонности к повышающим и понижающим деривациям. Некоторые языки, например нахско-дагестанские, активно пользуются повышающими деривациями и практически не используют понижающих. Другие языки, как, например, многие индоевропейские, напротив склонны к понижающим деривациям, но не располагают повышающими. Атабаскские языки относятся к тому меньшинству языков, которые демонстрируют большое число как повышающих, так и понижающих ПД.

Следующая особенность атабаскских языков состоит в том, что они обладают специальной категорией «индикатор транзитивности». Это означает, что ПД маркируются дважды – посредством специализированного средства, характерного для каждой конкретной ПД, и посредством ИТ, который сигнализирует, что транзитивность глагола повысилась или понизилась по сравнению с предыдущим уровнем деривации.

Среди языков, обладающих ИТ, есть внутренние типологические различия. Так,

характерные гласные в картвельских языках (см. Бергельсон 2006) сигнализируют транзитивность в *абсолютном* смысле – как низкую или высокую. Что касается атабаскских языков, то в них ИТ функционируют как *относительные* сигналы уровня транзитивности. Исходная ПС глагола может быть как высоко-, так и низкотранзитивной. Употребления глагола, соответствующие ИПС, получают нулевой ИТ, а употребления, отклоняющиеся от исходной ПС, сигнализируются как либо повысившие, либо понизившие транзитивность по сравнению с исходным состоянием.

Эти типологические параметры резюмируются ниже в таблице 1.

<i>Типологический параметр</i>	<i>Атабаскские языки</i>	<i>Другие языки</i>
Наличие морфологически кодируемых повышающих ПД	ДА	НЕТ: большинство европейских языков
Наличие морфологически кодируемых понижающих ПД	ДА	НЕТ: дагестанские языки
Наличие индикаторов транзитивности – специального морфологического средства, сигнализирующего об изменениях ПС	ДА	ДА: картвельские языки, юманские языки, мисумальпанские языки НЕТ: большинство языков
Тип индикаторов транзитивности	Относительный: ИПС кодируется нулевым ИТ независимо от уровня транзитивности, ненулевые ИТ сигнализируют о <i>модификациях</i> ИПС	Картвельские языки – абсолютный: ИПС никак не кодируется, ИТ сигнализируют об <i>уровне</i> транзитивности ПС

Таблица 1. Атабаскские индикаторы транзитивности в типологическом контексте

7. Заключение

В атабаскских языках, как и в ряде других языков, наблюдается систематическая ко-экспрессия признаков, входящих в кластер «семантическая транзитивность». Атабаскские языки представляют собой наилучшее подтверждение тому, что идеи Хоппера и Томпсон о семантической транзитивности точно улавливают суть этого явления в типологическом аспекте.

За понятием семантической транзитивности стоит некоторый уровень семантического представления, характеризующий семантику глагола и семантику пропозиций, основанных на данном глаголе. Представляется необходимым использовать теоретические понятия пропозициональной структуры и пропозициональной деривации, которые описывают семантику пропозиции в статике и в динамике соответственно.

Выше был дан обзор большого числа пропозициональных дериваций, представленных в атабаскских языках. Среди повышающих дериваций есть такие, которые вполне вписываются в понятие актантной деривации. Это каузатив, стативный каузатив, проявление пациенса, добавление агенса и реципиента, компаратив. Другие повышающие деривации не связаны с расширением актантной структуры. Правда, некоторые из них все же касаются изменений прототипических свойств актантов, поэтому с некоторой натяжкой могут считаться актантными деривациями. Это агентивизация и степень охвата пациенса. Наконец, такая повышающая деривация, как интенсификация, уже никак не может считаться актантной и связана с другой семантической зоной – оценочной модальностью. Между тем, эта деривация маркируется посредством индикатора транзитивности точно так же, как и собственно актантные деривации.

Среди понижающих дериваций также есть группа таких, которые могут рассматриваться как актантные. Это антикаузатив, пациентный атрибутив, безагентивный пассив, рефлексив. Далее, группа дериваций могут считаться условно актантными, поскольку связаны с изменением прототипических референциальных и ролевых свойств актантов. Это реципрок, агентивный пассив, референциально недоопределенное местоимение 1-го лица множественного числа, посессивная рефлексивизация, инкорпорация части тела, автобенефактив и деприватив. Кроме того, ряд дериваций совсем не могут квалифицироваться как актантные. Это реверсив, перамбулатив и итератив – они связаны с видовой или совершаемостной структурой событий, но при этом сигнализируются посредством индикаторов транзитивности в точности так же, как и актантные деривации.

Данные атабаскских языков однозначно указывают на тот факт, что переходность в традиционном грамматическом смысле образует единую семантический кластер с целым рядом других категорий – референциальных, ролевых, видовых/совершаемостных, модальных и т.д. Подобные наблюдения делались на типологическом материале довольно давно (см., например, Недялков и Сильницкий 1969), но до сих пор недостаточно оценены в лингвистической теории и типологии. Языки используют одни и те же формальные средства для того, чтобы указать на деривации в столь различных, казалось бы, семантических зонах. Понятия пропозициональной структуры и пропозициональной деривации представляются совершенно необходимыми, чтобы адекватно описать этот набор фактов. Напротив, понятие актантной деривации, используемое в ряде

типологических работ, чрезмерно сужает проблему и отделяет проблематику грамматической переходности от других компонентов семантической транзитивности. Надеюсь, мне удалось показать, что понятие «актантная деривация» должно уступить место более широкому и более адекватному понятию пропозициональной деривации.

СПИСОК ОБОЗНАЧЕНИЙ В ГЛОССАХ

Характеристики референтов

Sg – единственное число

Pl – множественное число

H – человек

Inan – неодушевленное

Indef – неопределенное

Rec – реципрок

Refl – рефлексив

AnO – одушевленное существо

RO – округлый предмет

SFO – узкий гибкий предмет

SSO – узкий жесткий предмет

Ролевые позиции

Acc – аккумулятивная

Dat – дативная

Nom – номинативная

Obl – косвенная

Poss – посессивная

Временные категории

Impf – имперфектив

Prog – прогрессив

Pf – перфектив

Показатели дериваций

Compag – компаратив

Detr – детранзитивизация

Egг – эрратив

Inc – инцептив

Iter – итератив
Rev – реверсив

Индикаторы транзитивности

TI – индикатор транзитивности (по умолчанию нулевой)
↑ – повышение транзитивности
↓ – понижение транзитивности

Прочее

Pref – префикс, функция которого нерелевантна в данном контексте
Ereth – эпентетический префикс

ЛИТЕРАТУРА

- Бергельсон М.Б. 2006. Пропозициональная деривация и картвельские языки. В наст. сборнике.
- Бергельсон М.Б. и А.А.Кибрик. 1991. К типологии средств выражения пропозициональной деривации. В сб.: Л.А.Бирюлин и В.С.Храковский (ред.) *Типология грамматических категорий*. Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 4-8.
- Недялков В.П. и Г.Г.Сильницкий. 1969. Типология лексического и морфологического каузативов. В сб.: А.А.Холодович (ред.) *Типология каузативных конструкций*. Л.: Наука, 20-50.
- Плунгян В.А. 2000. *Общая морфология*. Введение в проблематику. М.: УРСС.
- Haspelmath, Martin. 1993. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In: B. Comrie and M. Polinsky (eds.) *Causatives and transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 87-120.
- Hopper, Paul, and Sandra Thompson. 1980. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56: 251–299.
- Kari, James. 1990. *Ahtna Athabaskan dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center.
- Kibrik, Andrej A. 1993. Transitivity increase in Athabaskan languages. In: B.Comrie and M. Polinsky (eds.) *Causatives and transitivity*, Amsterdam: Benjamins, 47-67.
- Kibrik, Andrej A. 1996. Transitivity decrease in Athabaskan languages. In: E. Jelinek et al. (eds.) *Studies in Athabaskan linguistics*. Albuquerque: UNM Press, 259-304.
- Kibrik, Andrej A. 2001. Navajo dative: Two bi- or not two bi-. Paper presented at the 2001 SSILA meeting. July 2001, Santa Barbara.

- Kibrik, Andrej A. 2002. A typologically oriented portrait of the Athabaskan language family. In: V.I.Podlesskaya et al. (eds.) *Third winter typological school*. Moscow district, January 29–February 6, pp. 38–49.
- Kibrik, Andrej A. 2005. Inflection versus derivation and the template for Athabaskan verb morphology. In: S. Gessner (ed.) *Proceedings of the 2005 Athabaskan Languages Conference*. Fairbanks: ANLC, 67-94.
- Kibrik, Andrej A. In preparation. Reflexivization and detransitivization processes in Athabaskan languages. Ms.
- Nichols, Johanna. 1982. Ingush transitivity and detransitivization. In: *BLS* 8: 445-462.
- Rice, Keren. 2000a. *Morpheme order and semantic scope. Word formation in the Athapaskan verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rice, Keren. 2000b. Voice and valency in the Athapaskan family. In: R.M.W.Dixon and Alexandra Y. Aikhenvald (eds.) *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 173-235.
- Thompson, Chad. 1996. The Na-Dene middle voice: An impersonal source of the D-element. *International Journal of American Linguistics* 62: 351-378.
- Young, Robert, and William Morgan. 1987. *The Navajo language. A grammar and colloquial dictionary*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Young, Robert, William Morgan, and Sally Midgette. 1992. *Analytical lexicon of Navajo*. Albuquerque: University of New Mexico Press.